

ПОЭЗИЯ "ЦИРКА" ОЛИМП

(Продолжение,
начало на стр.4-5)

Комментарии к ч. III:

Окт. 1. - Порхнувши с парохода на пожар. - пароходом первоначально называли паровоз. См. "Попутную песню" (муз. Глинки, слова Кукольника).

Окт. 2. - Поближе к пре, подальше от греха. Пре - дат. от "пря".

Окт. 4. - Всегда фекаловатый Чернышевский. Из дневника Чернышевского от 16 дек. 1848 г.:

"...в баню за 7 к. сер., много народу было, однако, ничего, вымылся, кажется, хорошо. Пошел, собственно потому, что на подбородке стала от грязи дрань, руки слишком загрязнены от кисти до локтя, и дело свое в нужнике слишком делал грязно и неловко, так что все должен был чесать".

- Но по гнилой интеллигентской складке писатель не донес. "Представьте себе, - говорил он (Достоевский - А.С.), - что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждет и все оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: "Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину". Мы это слышим. Представьте себе, что мы это слышим, что люди эти так возбуждены, что не соразмеряют обстоятельств и своего голоса. Как бы мы с вами поступили? Пошли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились бы к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы? - Нет, не пошел бы. - И я бы не пошел. Почему? Ведь это ужас. Это - преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить. Я вот об этом думал до вашего прихода, набивая папиросы. Я перебрал все причины, которые заставляли бы меня это сделать. Причины основательные, солидные, и затем обдумал причины, которые не позволили бы это сделать. Это причины прямо ничтожные. Просто - боязнь прослыть доносчиком". (Суворин, "Дневник").

Часть IV. ШВАРЦ

1.
Сто лет Россия киснет без реформ
И колукает старые болячки.
Страну спустили на подножный корм,
И я, дошкольник, озверев от жвачки,
Алкая цельных красок,
чистых форм,

6

Вязался с бабкой в гости, ждал подачки

И с наших брал свой нищенский оброк
-
Открытку, марку, царский пяточок.

2.
Однажды нас окликнули: - Ирина Никитична, зашли бы! Это внук? -
...Под белым полотенцем пианино,
На нем Бетховен, Моцарт, Гендель,
Глюк,
На полочках фарфор, фаянс и глина,
По стенам Беклин, Рафаэль и Штук
В багете под стеклом. С голодным жаром
Я прилепился к дивным обжедарам.

3.
Седой хозяин был заметно рад:
- Мой друг, я вижу, ты прекрасным занят.
Ты видишь то, чем славился Закат:
Пока хватает глаз гляди на Запад,
Пока хватает сил иди назад -
Иначе можно обезуметь за год...
Ты любишь ли стихи? Сильней всего?
Вот чешский Пушкин, гений,
божество.

4.
Он прожил двадцать три или четыре,
Но Махе поклонился весь народ:
О Данте, о Гомере и Шекспире
Чех слышал слух - и видел перевод.
Да что такое русский Пушкин в мире,
Сам Бог отсюда вряд ли разберет.
Вселенские проистекали души
Лишь из вселенских языков. Но
слушай:

5.
"Был поздний вечер, првни (первый) май,
Вечерни май, был ласки (ласки) час,
Звал благовоньем вдаль боровы гай,
Звал к ласки грам грдлички (птички) глас..."

Как музыка. Но нет, не понимай,
Что это слышит кто-то, кроме нас:
Наш чешский слишком избранный сосуд.
Учи немецкий - все тебя поймут.

6.
Ах немцы! Я взрывался, как шутиха,
И проповедал ложный идеал,
За что имел отслушать Меттерниха -
О как он врал, какую правду врал...
И здесь у вас, когда изведал лиха,
Мне русский немец в руку подыграл.
Ах если бы философ нами правил,
То русским немцам памятник поставил!

7.
Без немцев, господа, не вглубь, а
вширь
Растет когда-то славное славянство,
Историю свою ведет в Сибирь,
И географии дает дворянство.
Без них кругом китайский монастырь,

И если где-то шум, то, верно,
пьянство,
А если книга, то словесный сор,
Как "Слово о полку" и "Краледвор".

8.
Так что меня к России повернуло?
Я услышал, что Запад - западня
И убежал от участи гуцула.
О как меня звала назад родня!
Но тут болото мигом затянуло,
И силы вдруг оставили меня...
Друзья, прошу прощенья за
ворчанье;
Примите этот снимок на прощанье.

9.
Прямой старик на жактовском дворе
При галстукке, с лопатой, возле тачки;
Покатый лоб в косматом серебре,
Усы на взлете - никакой потачки,
Напоминатель о былой поре
Живой и бодрый в центре общей спячки;
А ближе - клумба, кажется, в
цвету
И рамка, подводящая черту.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА К ПОЭМЕ

Меттерних, Клеменс (1773-1859) - князь, австрийский канцлер.

Шварц, Александр Александрович (1852-1940?) - чех-музыкант, бабушкин знакомый и сосед.

Франц-Иосиф (1830-1916) - император Австро-Венгрии.

Ганка, Вацлав (1791-1861) - чешский филолог, публицист и фальсификатор древностей.

Гоголь, Николай Васильевич (1809-1852) - русский писатель.

Маха, Карел Гинек (1810-1836) - чешский поэт.

Пилецкий, Мартын Степанович (1780-1859) - воспитатель

Царскосельского лицея, масон.

Польские восстания имели место в 1830-31 и 1863-64.

Черняев, Михаил Григорьевич (1828-1898) - русский генерал. Русское вмешательство в Сербию имело место накануне Русско-турецкой войны 1877-78.

Апраксин двор горел в 1862.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828-1883) - русский литератор.

Достоевский, Федор Михайлович (1821-1881) - русский писатель.

Хомяков, Алексей Степанович (1804-1860) - славянофил.

Ирина Никитична (1877?-1951) - моя бабушка.

НОТА БЕНЕ: Автор разделяет не все взгляды, высказанные героями поэмы. (А.С.)